

1001 ночь.

Сказка о завистнике и внушившем зависть

Говорят, о ифрит, – сказал я, – что в одном городе было два человека, жившие в двух смежных домах с общим простенком, и один из них завидовал другому и поражал его глазом и силился повредить ему. И он все время ему завидовал, и его зависть так усилилась, что он стал вкушать мало пищи и сладости сна, а у того, кому он завидовал, только прибавлялось добра, и всякий раз как сосед старался ему повредить, его благосостояние увеличивалось, росло и процветало. Но внушивший зависть узнал, что сосед завидует ему и вредит, и уехал от соседства с ним и удалился от его земли и сказал: "Клянусь Аллахом, я покину из-за него мир!" И он поселился в другом городе и купил себе там землю (а на этой улице был старый оросительный колодец), и построил для себя у колодца келью и, купив себе все, что ему было нужно, стал поклоняться Аллаху великому, предаваясь молитве с чистым сердцем.

И к нему со всех сторон приходили нуждающиеся и бедные, и слух о нем распространился в этом городе, и весть дошла до его соседа-завистника, и тот узнал о благе, которого он достиг, и о том, что вельможи города ходят к нему. И он вошел в келью, и его сосед, внушивший зависть, встретил его пожеланием простора и уюта и оказал ему крайнее уважение. И тогда завистник сказал ему: "У меня с тобой будет разговор, и в нем причина моего путешествия к тебе. Я хочу тебя порадовать; встань же и пройди со мною по твоей келье". И внушивший Зависть поднялся и взял завистника за руку, и они прошли до конца кельи, и завистник сказал: "Вели твоим факирам, чтобы они пошли в свои кельи. Я скажу тебе только в тайне, чтобы никто не слышал нас". И внушивший зависть сказал факирам: "Войдите в свои кельи", и они сделали так, как он им приказал, а внушивший зависть прошел немного с завистником и дошел с ним до старого колодца. И завистник толкнул внушившего зависть и сбросил его в колодец, когда никто не знал этого, и пошел своей дорогой, думая, что убил его.

А в колодце жили джинны, и они подхватили внушившего зависть и мало-помалу спустили его и посадили на камень и спросили один другого: "Знаете ли вы, кто это?" – "Нет", – ответили джинны. И тогда один из них сказал: "Это человек, внушивший зависть, который бежал от завистника и поселился в нашем городе. Он воздвиг ту келью и развлекал нас своими молитвами и чтением Корана, а завистник пришел к нему и встретился с ним и ухитрился сбросить его к нам. А весть о нем дошла в сегодняшний вечер до султана этого города, и он решил Завтра посетить его ради своей дочери". – "А что с его дочерью?" – спросил кто-то из них. И говоривший сказал: "Она одержимая; в нее влюбился джинн Маймун ибн Дамдам, и если бы старец знал для нее лекарство, он бы наверное ее исцелил. А лекарство для нее самая пустая вещь". – "А какое же это лекарство?" – спросил кто-то из джиннов. И говоривший ответил: "У черного кота, что у него в келье, есть на конце хвоста белая точка величиною с дирхем. Пусть возьмет семь волосков из этих белых волос и окурит ими царевну, и марид уйдет у нее из головы и никогда не воротится к пей, и она тотчас же вылечится".

И все это происходило, о ифрит, а внушивший зависть слушал. Когда же настало утро и взошла заря и Заблестала, нищие пришли к старцу и увидели, что он поднимается из колодца, и он стал великим в их глазах. А у внушившего зависть не было другого лекарства, кроме черного кота, и он взял из белой точки, что была у него на хвосте, семь волосков и спрятал их у себя. И едва взошло солнце, как прибыл царь со своими вельможами, а остальной свите приказал стоять. Когда царь вошел к возбужденному зависть, тот сказал: "Добро пожаловать!" – и, велев ему подойти ближе, спросил: "Хочешь, я открою тебе, для чего ты ко мне прибыл?" – "Хорошо", – ответил царь. И старец сказал: "Ты прибыл, чтобы посетить меня, а в душе хочешь меня спросить о своей дочери". – "Да, праведный старец!" воскликнул царь. И внушивший зависть сказал: "Пошли кого-нибудь привести се, и я надеюсь, что, если захочет Аллах великий, она сию же минуту исцелится".

И царь обрадовался и послал своих телохранителей, и они принесли царевну со скрученными руками, закованную в цепи, и возбужденный зависть посадил со и покрыл ее покрывалом и, вынув волоса, окурив ее ими. И тот, кто был над ее головой, испустил крик и покинул ее, а девушка пришла в разум и закрыла себе лицо и спросила: "Что это происходит и кто привел меня в это место?" И султан обрадовался радостью, которой нет сильнее, и поцеловал ее в глаза и поцеловал руки у старца, возбужденного зависть, а после того он обернулся к вельможам своего царства и спросил их: "Что вы скажете? Чего заслуживает тот, кто исцелил мою дочь?" – "Жениться на пей", – отвечали они. И царь воскликнул: "Вы сказали правду!" Потом он выдал дочь замуж за внушившего зависть, и тот сделался зятем царя. А спустя немного умер везирь, и царь спросил: "Кого сделаем везирем?" – и ему сказали: "Твоего зятя". И ею сделали везирем, и еще немного спустя умер султан, и когда спросили: "Кого сделаем царем?" – ответили: "Везиря". И везиря сделали султаном, и он стал царем и правителем.

Однажды царь сел на коня, и завистник проходил по его дороге, и вдруг видит: тот, кому он завидовал, в царственном великолепии, среди эмиров, везирей и вельмож своего царства! И взор царя упал на завистника, и он повернулся и сказал одному из своих везирей: "Приведи ко мне этого человека и не устрашай его". И везирь пошел и привел его соседа, завистника. А царь сказал: "Дайте ему тысячу москалей из моей казны и принесите ему двадцать тюков товаров и пошлите с ним стражника, чтобы он доставил его в город", – и потом он простился с ним и уехал, не наказавши его за то, что он сделал с ним.

Посмотри же, ифрит, как возбужденный зависть простил завистника и как тот сначала завидовал ему, потом причинил ему вред и отправился к нему и довел до того, что бросил его в колодец, и хотел его убить, но он не воздал ему за это, а простил ему и отпустил".

И я заплакал, о госпожа, перед ифритом горьким плачем, которого нет сильнее, и произнес:

"Отпускай преступным: всегда мужи разумные

Одаряли злого прощением за зло его.

Я объял проступки все полностью и сверил их все,

Обоими же ты все виды прощенья – будь милостив.

И пусть тот, кто ждет себе милости от высшего,

Отпускает низшим проступки их и прощает их".

"Чтобы тебя убить или простить, – сказал ифрит, – Я непременно заколдую тебя!" И он оторвал меня от земли и взлетел со мною на воздух, так что я увидел под собой землю, как чашку посреди воды. Потом он поставил меня на гору и, взяв немного земли, побормотал над нею и поколдовал и, осыпав меня ею, воскликнул: "Перемени этот образ на образ обезьяны!"

С того времени я сделался обезьяной столетнего возраста. И, увидев себя в этом гадком образе я заплакал ко самом себе, но был стоек против несправедливости судьбы, ибо знал, что время не благоволит никому. И я спустился с горы вниз и увидел широкую равнину и шел до конца месяца, и путь мой привел меня к берегу соленого моря. И я простоял некоторое время и вдруг вижу – корабль посреди моря, и ветер благоприятствует ему, и он идет к берегу. И я скрылся за камнем на краю берега и подождал, пока пришел корабль, и взошел на него, и один из едущих воскликнул: "Уведите от нас этого злосчастного!" – "Мы его убьем", – сказал капитан. А тот, другой, вскричал: "Я убью его вот этим мечом!" Но я схватил капитана за полу и заплакал, и мои слезы потекли, и капитан сжалился надо мною и сказал: "О купцы, эта обезьяна прибегла к моей защите, и я защищу ее. Она под моим покровительством, и пусть никто ее не беспокоит и не досаждают ей". И капитан стал обращаться со мной милостиво, и, что бы он ни говорил мне, я понимал и исполнял все его дела и служил ему на корабле, и он полюбил меня. Ветер благоприятствовал кораблю в течение пятидесяти дней, и мы пристали к большому городу, где было множество людей, сосчитать число которых может только Аллах.

И в тот час, когда мы прибыли, наш корабль остановился, и вдруг к нам явились невольники от царя города и поднялись на наше судно и поздравили купцов с благополучием и сказали: "Наш царь поздравляет вас с благополучием и посылает вам этот свиток бумаги, – пусть

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

каждый из вас напишет на нем одну строчку". Дело в том, что у царя был везирь–чистописец, и он умер, и султан поклялся и дал великие клятвы, что с дела с везирем лишь того, кто пишет так, как он. И они подали купцам бумажный свиток длиной в десять локтей и шириной в локоть, и каждый, кто умел писать, написал, до последнего. И тогда я поднялся, будучи в образе обезьяны, и вырвал свиток у них из рук, и они испугались, что я порву его, и стали меня гнать криками, но я сделал им знак: "Я умею писать!" И капитан знаками сказал им: "Пусть пишет; если он станет царапать, мы его прогоним от нас, а если напишет хорошо, я сделаю его своим сыном. Я не видел обезьяны понятливее, чем эта". И я взял калам [34] и, набрав из чернильницы чернил, написал почерком рика такое двестишесте:

Судьбою записаны милости знатных,

Твоя ж не написана милость досель.

Так пусть же Аллах не лишит нас тебя

Ведь милостей всех ты и мать и отец.

И я написал почерком рейхани:

Перо его милостью объемлет все области,

И все охватил миры своею он щедростью.

Нельзя Нил египетский сравнить с твоей милостью,

Что тянется к странам всем рукой с пятью пальцами.

И почерком сульс я написал:

Всяк пишущий когда–нибудь погибнет,

Но все, что пишут руки его, то вечно.

Не вздумай же ты своею писать рукою

Другого, чем то, что рад ты, воскреснув, видеть.

И еще я написал почерком несхи:

И когда пришла о разлуке весть, нам назначенной

Переменной дней и судьбой, всегда превратной,

Обратились мы ко устам чернильниц, чтоб сетовать

На разлуки тяжесть концами острых перьев.

И дальше я написал почерком тумар:

Халифат не вечен для правящих, поистине,

А коль споришь ты, скажи же мне, где первые?

Благих поступков сажай посевы в делах своих;

Коль низложен будешь, посевы эти останутся

И почерком мухаккик я написал:

Открывши чернильницы величья и милостей,

Налей в них чернила ты щедрот и достойных дел.

Пиши же всегда добром, когда точно можешь ты,

Тогда вознесешься ты высоко пером своим.

Потом я подал им свиток, и они написали каждый по строчке, а после этого невольники взяли свиток и отнесли его к царю.

И когда царь посмотрел на свиток, ему ни понравился ничей почерк, кроме моего, и он сказал присутствующим: "Отправляйтесь к обладателю этого почерка, посадите его на мула и доставьте его с музыкой. Наденьте на него драгоценную одежду и приведите его ко мне". И, услышав слова царя, все улыбнулись, а царь разгневался и сказал: "О, проклятые, я отдаю вам приказание, а вы надо мной смеетесь!" – "О царь, – отвечали они, нашему смеху есть причина". – "Какая же?" – спросил царь, и они сказали: "О царь, ты велел нам доставить к тебе того, кто написал этим почерком, но дело в том, что это написала обезьяна, а не человек, и она у капитана корабля". – "Правда ли то, что вы говорите?" – спросил царь, и они ответили: "Да, клянемся твоей милостью!" И царь удивился их словам и затрясся от восторга и воскликнул: "Я хочу купить эту обезьяну у капитана!"

Потом он послал на корабль гонца и с ним мула, одежду и музыку, и сказал: "Неприменно наденьте на него эту одежду, посадите его на мула и доставьте его с корабля!" И они пришли на корабль и взяли меня у каштана и, надев на меня одежду, посадили меня на мула, и люди оторопели, и город перевернулся из–за меня вверх дном, и все стали на меня смотреть.

И когда меня привели к царю и он меня встретил, я поцеловал трижды землю меж его рук, а потом он приказал мне сесть, и я присел на колени, и все присутствующие люди удивились моей вежливости, и больше всех изумился царь. Потом царь приказал народу уйти, и все удалились, и остался только я, его величество царь, евнухи и маленький невольник. И царь приказал, и подали скатерть кушаний, и на пей было все, что скачет, летает и спаривается в гнездах: куропатки, перепелки и прочие виды птиц. И царь сделал мне знак, чтобы я ел с ним, и я поднялся и поцеловал перед ним землю, а потом я сел и принялся есть, и затем скатерть убрали, и я семь раз вымыл руки и, взяв чернильницу и калам, написал такие стихи:

Постой хоть недолго ты у табора мисок,

И плачь об утрате ты жаркого и дичи.

Поплачь, о ката, со мной, – о них вечно плачу я

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

О жареных курочках с размолотым мясом!

О горесть души моей о двух рыбных кушаньях!

Я ел на лепешке их из плотного теста.

Аллаха достоин вид жаркого! Прекрасен он,

Когда обмакнешь ты жир в разбавленный уксус.

Коль голод трясет меня, всегда поглощаю я

С почтеньем пирог мясной – изделие искусных

Когда развлекаюсь я и ем, я смущен всегда

Убранством и сменами столов и посуды.

Терпенье, душа! Судьба приносит диковины,

И если стеснит она, то даст облегченье.

Потом я поднялся и сел поодаль, и царь посмотрел на то, что я написал, и, прочтя это, удивился и воскликнул: "О диво! Это обезьяна, и у нее такое красноречие и почерк! Клянусь Аллахом, это самое диковинное диво!" Затем царю подали особый напиток в стеклянном сосуде, и царь выпил и протянул мне, и я поцеловал землю и выпил и написал на сосуде:

Был огнями сжигаем я на допросе,

Но в несчастье нашли меня терпеливым.

Потому–то всегда в руках меня носят

И прекрасных уста меня лобызают.

И еще:

Похищает свет утра мрак, дай же выпить

Мне напитка, что ум людей отнимает.

Я не знаю – так ясен он и прозрачен,

Он ли в кубке, иль кубок в нем пребывает.

И царь прочитал стихи и вздохнул и воскликнул: "Если б подобная образованность была у человека, он бы наверное превзошел людей своего века и времени!" Потом он пододвинул ко мне шахматную доску и спросил: "Не хочешь ли сыграть со мной?" И я сделал головой Знак: "Да", – и, подойдя, расставил шахматы и сыграл с царем два раза и победил его, и ум царя смутился. А потом я взял чернильницу и калам и написал на доске такое двустишие:

Целый день два войска в бою жестоком сражаются,

И сраженье их все сильней кипит и жарче.

Но лишь только мрак пеленой своей их окутает,

На одной постели заснут они все вместе.

И когда царь прочитал это двустишие, он изумился и пришел в восторг; его охватила оторопь, и он сказал евнуху: "Пойди к твоей госпоже Ситт–аль–Хусн и скажи ей: "Поговори с царем!", чтобы она пришла и посмотрела на эту удивительную обезьяну". И евнух скрылся и вернулся вместе с царевной, и, посмотрев на меня, она закрыла лицо и сказала: "О батюшка, как могло быть приятно твоему сердцу прислать за мной, чтобы показывать меня мужчинам?"

"О Ситт–аль–Хусн, – сказал царь, – со мною никого нет, кроме маленького невольника и евнуха, который воспитал тебя, а я – твой отец. От кого же ты закрываешь свое лицо?" И она отвечала: "Эта обезьяна – гоноша, сын царя, и отца его зовут Эфтимарус, владыка Эбечовых островов. Он заколдован, его заколдовал ифрит Джирджис из рода Иблиса, а он убил его жену, дочь царя Эфитамуса. И тот, про кого ты говоришь, что он обезьяна, на самом деле муж, ученый и разумный". И царь удивился словам своей дочери и посмотрел на меня и спросил: "Правда ли то, что она говорит про тебя?" – и я сказал головою: "Да", – и заплакал. "Откуда же ты узнала, что он заколдован?" – спросил царь свою дочь, и она сказала: "Со мной была, когда я была маленькая, одна старуха, хитрая колдунья, и она научила меня искусству колдовать, и я его хорошо запомнила и усвоила. И я заучила сто семьдесят способов из способов колдовства, и малейшим из этих способов я могу перенести камни твоего города на гору Каф и превратить его в полноводное море, а обитателей его обратить в рыб посреди него". – "О дочь моя, – воскликнул царь, – заклинаю тебя жизнью, освободи этого юношу, и я сделаю его своим везирем, ибо это юноша умный и проникательный". – "С любовью и охотой", – отвечала царевна и взяла в руку нож и провела круг..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четырнадцатая ночь

Когда же настала четырнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что второй календер говорил женщине: "О царевна, о госпожа моя, взяла в руку нож, на котором были написаны еврейские имена, и начертила им круг посреди залы и в нем написала имена и заклинания и поколдовала и прочла слова понятные и слова непонятные, и через минуту мир покрылся над нами мраком, и ифрит вдруг спустился к нам и своим виде и обличье, и руки у него были как вилы, ноги как мачты, а глаза как две огненные искры. И мы испугались его, и царевна воскликнула: "Нет ни приюта тебе, ни уюта!" – а ифрит принял образ льва и закричал ей: "О обманщица, ты нарушила клятву и обет! Разве мы не поклялись друг другу, что не будем мешать один другому?"

"О проклятый, и для подобного тебе у меня будет клятва?" – отвечала царевна. И ифрит вскричал: "Получи то, что пришло к тебе!"

Тут лев разинул пасть и ринулся на девушку, но она поспешно взяла волосок из своих волос и потрясла его в руке и пошевелила над ним губами, и волос превратился в острый меч, и она ударила им льва, и он разделился на две части. И голова его превратилась в скорпиона, а женщина обратилась в большую змею и ринулась на этого проклятого, который имел вид скорпиона, и между ними завязался жестокий бой. И потом скорпион превратился в орла, а змея в ястреба, и она полетела за орлом и преследовала его некоторое время, и тогда орел

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

сделался черным котом, а девушка превратилась в полосатого волка, и они долго бились во дворце.

И кот увидел, что он побежден, и превратился в большой красный гранат, и гранат упал на середину водоема, бывшего во дворце, и волк подошел к нему, а гранат взвился на воздух и упал на плиты дворца и разбился, и все зернышки рассыпались по одному, и земля во дворце стала полна зернышек граната. И тогда волк встряхнулся и превратился в петуха и стал подбирать зернышки и не оставил ни одного зернышка, но по предопределенному велению одно зернышко притаилось у края водоема. И петух принялся кричать и хлопать крыльями и делал нам знаки клювом, но мы не понимали, что он говорит, и тогда он закричал на нас криком, от которого нам показалось, что дворец опрокинулся на нас, и стал кружить по всему полу дворца. Он увидел зерно, притаившееся у края водоема, и ринулся на него, чтобы его склевать, но зернышко вдруг метнулось в воду, бывшую в водоеме, и, обратившись в рыбу, скрылось в глубине воды.

И тогда петух принял вид огромной рыбы и нырнул за рыбкою и скрылся на некоторое время, а потом мы услышали, что раздались крики, вопли, и перепугались.

И после этого появился ифрит, подобный языку пламени, и он разевал рот, из которого выходил огонь, и из его глаз и носа шел огонь и дым. И девушка тоже вышла, подобная громадному огненному углю, и она сражалась с ним некоторое время, и огонь сомкнулся над ними, и дворец наполнился дымом. И мы скрылись в дыму и хотели погрузиться в воду, опасаясь сгореть и погибнуть, и царь воскликнул: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! О, если бы мы не возложили на нее подобного ради освобождения этой обезьяны! Мы отягчили ее великой тяготой с этим проклятым ифритом, которого не одолеть всем ифритам, существующим на земле! О, если бы мы не знали этой обезьяны, да не благословит Аллах ее и час ее появления! Мы хотели сделать добро ради великого Аллаха и освободить ее от чар, и нас постигло сердечное мучение!"

А что до меня, госпожа моя, то язык был у меня связан, и я не мог ничего сказать царю, и не успели мы очнуться, как ифрит закричал из-под огня и оказался подле нас в зале. Он дунул нам в лицо огнем, но девушка настигла его и подула ему в лицо, и в нас попали искры от нее и от него, и ее искры не повредили нам, а из его искр одна попала мне в глаз и выжгла его, а я был в образе обезьяны. И царю в лицо тоже попала искра из его искр и сожгла ему половину лица и бороду и нижнюю челюсть и вырвала нижний ряд зубов, а другая искра попала в грудь евнуха и сожгла его, и он в тот же час и минуту умер, и мы убедились, что погибнем, и потеряли надежду на жизнь.

И мы были в таком состоянии и вдруг слышим, кто-то восклицает: "Аллах велик! Аллах велик! Он помог и поддержал и покинул того, кто не принял веру Мухаммеда, месяца веры!" И вдруг, оказалось, царевна сожгла ифрита, и он стал кучей пепла. И девушка подошла к нам и сказала: "Принесите мне чашку воды!" И ей принесли чашку, и она проговорила что-то, чего мы не поняли, а потом брызнула на меня водой и сказала: "Освободись, заклинаю тебя истиною истинного и величайшим именем Аллаха, и прими свой первоначальный образ".

И я встряхнулся, и вдруг вижу – я человек, каким был прежде, но только мой глаз пропал, а девушка воскликнула: "Огонь, огонь! О батюшка, я уже не буду жить! Я не привыкла биться с джиннами, а будь он из людей, я бы давно убила его. Я стала бессильна лишь тогда, когда гранат рассыпался, и я подобрала его зерна, но забыла то зернышко, где был дух джинна, а если бы я его подобрала, он бы наверное тотчас же умер. Но я не знала этого, по воле судьбы и рока, и вдруг он явился, и у меня с ним был жестокий бой под землей, в воде и в воздухе, и всякий раз, как я открывала над ним врата колдовства, он тоже открывал врата надо мною, пока не открыл надо много врат огня, а мало кто, когда открываются над ним врата огня, от него спасается. Но мне помогла против него судьба, и я сожгла его раньше себя, предложив ему прежде принять веру ислама. А что до меня, я умираю, и да будет Аллах для вас моим преемником".

И она стала взывать к Аллаху о помощи и непрестанно призывала на помощь от огня, и вдруг темные искры поднялись к ее груди и распространились до лица, и когда они достигли лица девушки, она заплакала и воскликнула:

"Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед – посланник Аллаха!" И потом мы взглянули на нее, и вдруг видим, – она стала кучей пепла рядом с кучей от ифрита. И мы опечалились о ней, и мне хотелось быть на ее месте и не видеть, как это прекрасное лицо, сделавшее мне такое благо, превратилось в пепел, но приговор Аллаха неотвратим.

И когда царь увидел, что его дочь превратилась в кучу пепла, он выщипал остаток своей бороды, стал бить себя по лицу и разорвал на себе одежды, и я сделал так же, как он, и мы заплакали о девушке. И подошли придворные и вельможи царства и увидели султана в состоянии небытия и две кучи пепла. И они удивились и походили немного вокруг царя, а тот, когда очнулся, рассказал им, что случилось у его дочери с ифритом, и это было для них великим несчастьем, и женщины и девушки закричали, и царевну оплакивали семь дней.

И царь приказал выстроить над прахом своей дочери большой купол, и под ним зажгли свечи и светильники, а пепел ифрита развеяли по воздуху, чтобы проклял его Аллах. И после этого царь заболел болезнью, от которой был близок к смерти, и его болезнь продолжалась месяц, а потом он поправился, и его борода выросла, и он призвал меня и сказал: "О юноша, мы проводили гремя в приятнейшей жизни, в безопасности от превратностей судьбы, пока ты к нам не явился. О, если бы мы не сидели тебя и не видели твоей гадкой наружности! Из-за тебя мы претерпели лишения: во-первых, я лишился моей дочери, которая стоила сотни мужчин, а во-вторых, со мной случилось от огня то, что случилось, и я лишился своих зубов, и умер мой евнух. А ни раньше, ни после этого мы ничего от тебя не видели. По все от Аллаха, и нам и тебе; слава же Аллаху за то, что моя дочь освободила тебя и сама себя погубила! Но уходи, дитя мое, из моего города, достаточно того, что из-за тебя случилось. Все это было предопределено и мне и тебе, уходи же с миром, а если я еще раз тебя увижу, я убью тебя".

И он закричал на меня, и я вышел от него, о госпожа, не веря в спасение, и не знал, куда идти. И в моем сердце прошло все то, что со мной случилось: как разбойники оставили меня на дороге, как я от них спасся и шел месяц и вошел в город чужеземцем и встретился с портным и с женщиной под землей и спасся от ифрита, после того как он был намерен убить меня, и я вспомнил обо всем, что прошло в моем сердце, с начала до конца, и восхвалил Аллаха и воскликнул: "Ценою глаза, но не души!" И я сходил в баню, прежде чем выйти из города, и обрил себе бороду и надел черную власяницу и пошел наугад, о госпожа моя, и каждый день я плакал и размышлял о бедствиях, случившихся со мною, и о потере глаза. И думая о случившемся со мною, я всякий раз плакал и говорил такие стихи:

"Всемиловитым кланюсь, смущенья, сомненья нет,

Печали, не знаю как, меня окружили вдруг.

Я буду терпеть, пока терпенье само не сдаст;

Стерплю я, пока Аллах судьбы не решат моей.

Стерплю, побежденный, я без стонов и жалобы,

Как терпит возжаждавший в долине в полдневный зной.

И буду терпеть, пока узнает терпение,

Что вытерпеть горшее, чем мирра, я в силах был.

Ничто ведь не горько так, как мирра, но будет ведь

Еще боле горько мне, коль стойкость предаст меня.

И тайна души моей – толмач моих тайных дум,

И тайное тайн моих – о вас мысли тайные.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И скалы б рассыпались, коль бремя мое несли б,

И ветер не стал бы дуть, и пламя потухло бы.

И если кто скажет мне, что жизнь иногда сладка,

Скажу я: "Наступит день, что горше, чем мирры вкус".

И я скитался по странам и приходил в города и направился в Обитель Мира – Багдад, надеясь дойти до повелителя правоверных и рассказать ему, что со мной случилось. Я пришел в Багдад сегодня вечером и нашел моего первого брата, вот этого, стоящим в недоумении, и сказал ему: "Мир с тобою!" – и побеседовал с ним, и вдруг подошел к нам наш третий брат и сказал нам: "Мир с вами, я чужеземец", – и мы отвечали: "Мы тоже чужеземцы и пришли сюда в эту благословенную ночь". И мы пошли втроем, и никто из нас не знал истории другого, и судьба привела нас к этому месту и мы вошли к вам. Вот причина того, что я обрил бороду и усы и лишился глаза".

"Поистине, твоя история удивительна, – сказала госпожа жилища. Пригладь себе голову и уходи своей дорогой". – "Я не уйду, пока не услышу истории моих товарищей", – сказал второй календер.